

**СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС
И МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКОЙ
НОМЕНКЛАТУРЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1953–1964 ГОДАХ**

В статье рассматривается трансформация социального статуса региональной партийно-советской номенклатуры Западной Сибири в период хрущевской «оттепели». Отмечается, что в эти годы региональная партийно-советская номенклатура смогла получить и закрепить для себя новые льготы и привилегии, что способствовало повышению ее социального статуса. Инициированные центральной властью реформы в сфере материально-бытового обеспечения номенклатуры, а также предпринимаемые ею контрольно-административные меры направленные на сдерживание внутрикорпоративного расслоения и обособления номенклатуры оказались не эффективными на практике.

Ключевые слова: региональные элиты, номенклатура, льготы и привилегии, Сибирь, социальный статус.

O.N. KALININA

**SOCIAL STATUS AND MATERIAL MAINTENANCE
OF THE REGIONAL PARTY AND SOVIET
NOMENCLATURE OF THE WEST SIBERIA IN 1953–1964**

The paper deals with the transformation of social status of the regional party and soviet nomenclature of the West Siberia during the «Khrushchev thaw». The author noticed, that in the studying period the regional party and soviet nomenclature got new benefits and privileges that promoted growth its social status. The reforms, initiated by the central government in the sphere of material maintenance of nomenclature, as well as using special control and repressive mechanisms directed against the process of intra corporate stratification of nomenclature were not effective in practice.

Keywords: Siberia, regional elites, nomenclature, benefits and privileges, social stratification.

В исследовательской среде продолжают дискутироваться вопросы о степени влияния произошедших в период «хрущевской оттепели» изменений на институциональное положение и социальный статус региональных элит. В этом контексте не теряет своей актуальности проблематика, связанная с изучением номенклатурных льгот и привилегий, поскольку это позволяет проследить трансформацию социального ста-

туса и корпоративной самоидентификации региональных элит. Следует согласиться с мнением М.С. Восленского, М. Левина, М. Мэтьюза о том, что льготы и привилегии являлись важным институциональным признаком, указывающим на привилегированное положение номенклатуры в советском обществе [1]. В 1990-е–2000-е гг. вышли в свет публикации отечественных исследователей, в которых освещаются социальная стратификация советского общества и различные сюжеты социальной истории, включая формирование иерархической системы потребления в СССР и привилегированного материально-бытового обеспечения советской элиты [7]. Отдельно стоит отметить региональное направление историографии, где анализируются различные аспекты социальной политики в отношении региональной и местной (преимущественно партийной) номенклатуры [2].

Цель данной статьи заключается в анализе изменения социального статуса региональной партийно-советской номенклатуры в условиях реформирования системы льгот и привилегий номенклатуры в годы «хрущевской оттепели». Основными источниками информации стали документы финансово-хозяйственных секторов партийных органов в регионах Западной Сибири, письма и циркуляры Управления делами, направленные в крайкомы и обкомы партии, докладные записки, справки Комитета (Комиссии) партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б), отчеты и справки Министерства государственного контроля (МГК) — Комиссии советского контроля (КСК) СССР.

В рассматриваемое время льготы привилегии уже стали неотъемлемой частью образа жизни номенклатуры и играли важную роль в сохранении ее управляемости и подконтрольности. В исследовательской среде циркулирует мнением о том, что в период «оттепели» центральная власть фактически заключила своего рода негласный социальный контракт с региональной элитой, признав ее право на привилегированное положение в советском обществе [11]. В целом признавая правомерность данной точки зрения, все же следует учитывать, что советское руководство прекрасно осознавало то, что наличие привилегий у определенной части общества (номенклатуры) могло стать дестабилизирующим фактором, своего рода катализатором социальной напряженности в обществе. Дело в том, что в исследуемый период все очевиднее становился разрыв между декларируемыми и пропагандируемыми заявлениями советской власти и реальным положением дел в стране. Это, в свою очередь, усиливало недоверие советских граждан к властным институтам. Показательна в этом отношении записка, изложенная в анонимном письме, поступившем в газету «Правда»: «Глупо было бы думать, что государственные и партийные органы санкционировали и узаконили официальное существование социально различных групп, классов и т. д. Между тем ни для кого не секрет, что такое острое соци-

альное противоречие между отдельными слоями населения и людьми, стоящими близко к государственной власти, имеется. Имеется нищета на одном полюсе, охватывающая миллионы населения страны, и имеется богатство на другом полюсе» [9, л. 102].

В определенной степени верховная власть пыталась сдерживать процесс расслоения и корпоративного обособления отдельных групп номенклатуры, в том числе посредством реформирования системы льгот и привилегий, а также при помощи контрольно-репрессивных мер. Однако, начатое в середине 1950-х гг. реформирование материально-бытового обеспечения номенклатуры практически ничего не изменило, так как сразу же после смерти И.В. Сталина «коллективное руководство» не рискнуло отменить даже «временное денежное довольствие» (так называемую в народе «зарплату в конвертах»). Более того, с 1 мая 1953 г. увеличивались выплаты временного денежного довольствия региональным руководителям — секретарям и заведующим отделами обкомов (крайкомов), председателям облисполкомов (крайисполкомов). Так, размер довольствия первого секретаря регионального партийного комитета КПСС вырос с 4 020 до 7 тыс. р., а секретарей обкома — с 3 015 до 4 500 р. в месяц [12, д. 1908, л. 52]. Лишь постановлением Президиума ЦК КПСС от 16 марта 1956 г. о новом денежном довольствии номенклатуры, предусматривалось снижение размера довольствия. Важной новацией стало расширение круга местных партийных работников, имевших право на выплату довольствия — до должностей зав. отделами горкомов областного центра (от 100 до 1 000 р.) [6, с. 14.].

Однако, несмотря на предпринятую меру, разрыв в материальном положении между номенклатурными работниками разных уровней оставался по-прежнему значительным — в 3–5 раз. Так, на партконференции Кировского района Новосибирска в 1957 г. руководству района были заданы вопросы, поставившие его в затруднительное положение: «Почему грубое нарушение принципа социализма в оплате труда, допущенное Сталиным..., до настоящего времени не выровнено? Примером этого может служить громадный разрыв между минимальной и максимальной заработной платой — 300 и 30 000 р. (с конвертами)... при Ленине существовал партминимум, который строго соблюдался», «Как предполагается выполнять установку XX съезда о снижении сверхвысоких окладов у руководящих работников, которые накапливают капиталы в сбербанках...?» [4, л. 15–19].

Лишь в 1957 г. денежное довольствие было отменено, но это не сильно отразилось на материальном положении региональной партийной и советской элиты, имевшей и другие каналы для своего материального обогащения. Тем не менее, ликвидация данной привилегии частично снимала социальное напряжение в обществе. Однако вместе с отменой в 1957 г. системы временных денежных довольствий повышал-

ся уровень заработной платы региональной и местной партийно-советской номенклатуры. Повышение окладов, по замыслу властей, было призвано компенсировать отмену денежных довольтвий. Так, в 1957 г. первый секретарь обкома (крайкома) получал 5 тыс. р. в месяц, секретари — 4 тыс., заведующие отделами — 3 тыс., секторами — 1,25 тыс. Оклад первого секретаря горкома составлял 2100 р., секретаря — 1800–1400, заведующего отделом — 880–950, сектором — 930–1050, инструктора — 880–950 р. Приблизительно такой же уровень зарплаты был у работников горрайкомов. Оклад первого секретаря горрайкома составлял 2200 р., секретаря — 1500–1600, заведующего отделом — 930–1050, сектором — 980, инструктора — 880–930 р. Несколько ниже была заработная плата работников сельских райкомов. Оклад первого секретаря райкома партии составлял 1800–2100 р., секретаря — 1300–1500, заведующего отделом — 880–950, инструктора — 830–880 р. Выплачивалась «северная надбавка». Из отчета отдела кадров Томского обкома за 1957 г. следует, что выплата «северных» надбавок приводила к диспропорциям в зарплате номенклатуры. Так, инструкторы ряда райкомов Томской обл. с учетом «северных» надбавок получали 1,8 тыс. р., а секретари, не получавшие надбавок — 1,3–1,4 тыс. р., заведующие отделами — 950 р. [12, д. 35, л. 132].

В исследуемый период социальная острота жилищной проблемы оставалась крайне высокой, поэтому наличие благоустроенного и комфортного жилья фактически являлось показателем социального статуса советского человека. Следует отметить, что «квартирный вопрос» играл одновременно роль кнута и пряника в организационно-управленческой стратегии власти: материальные стимулы к труду заменялись администрированием и принуждением, в числе которых улучшение жилищных условий имело ведущее значение. Вместе с тем, только лишь ограниченный круг региональной властной элиты — верхушки партийно-советской и хозяйственной номенклатуры — имел высокий уровень жилищного обеспечения: обладал элитным, по меркам тех лет, жильем в виде пяти- четырех-, трех- или двухкомнатной благоустроенной квартиры, чаще всего расположенной в престижном, как правило, центральном, районе города — областного центра.

В период «оттепели» в регионах разворачивается строительство жилья, в том числе для руководящих и ответственных работников, партийные руководители регионов регулярно направляли в ЦК КПСС письма, активно «выбивая» необходимые средства и материалы для строительства жилья, и, особенно, т.н. «спецдомов», которые в подавляющем большинстве случаев удовлетворялись. Так, в 1959 г. в Томске строился 79-квартирный жилой дом, в котором работникам обкома полагалось 32 квартиры, а остальные отдавались в распоряжение Томского горисполкома. По данным на 1 января 1958 г., в городах области строилось

еще два 8-квартирных дома для номенклатуры [12, д. 2580, л. 44]. Учитывая плохое состояние жилого фонда города, некоторые жилые дома г. Томска были признаны аварийными, в т.ч. и те, где проживали руководящие и ответственные работники, многие из которых в последствии переселились в новые более благоустроенные, по сравнению с прежними, квартиры или дома [12, д. 3174, л. 59–61]. В декабре 1965 г. на заседании секретариата Новосибирского обкома партии были утверждены следующие сметы на строительство жилых домов обкома и райкомов КПСС: на 40-квартирный жилой дом обкома КПСС предполагалось потратить 290,7 тыс. р., на 8-квартирные дома Коченевского и Маслянинского райкомов – 52 и 48,3 тыс. соответственно, на четыре 2-квартирных дома Северного райкома — 40 тыс., на 4-квартирный дом Здвинского райкома — 32,6 тыс. р. [3, л. 76–79].

С середины 1950-х гг. начинает разрастаться строительство «обкомовских дач». Если раньше наличие дачи являлось важным атрибутом только верховной власти и символом привилегированного положения высшей политической элиты страны, то с наступлением «оттепели» постепенно дорогостоящие загородные резиденции стали активно строиться на периферию, что было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, изменением политического статуса и укреплением положения региональных элит в системе власти. Во-вторых, расширением их компетенции и возможностей в сфере управления и появлением необходимых для этого ресурсов. В-третьих, копированием столичной моды как эталона элитарной повседневности, к которому региональные руководители стремились приобщиться, обозначив тем самым свой привилегированный социально-политический статус и право считаться частью советской элиты. Так, в начале 1962 г. в Томский обком КПСС поступило письмо из отдела партийных органов ЦК партии по РСФСР, в котором просили дать разъяснения по некоторым фактам, касающимся строительства спецдач и жилых домов для ответработников, а также существования в области спецшкол для их детей. Несмотря на то, что в письме секретаря Томского обкома И.Т. Марченко все эти факты отрицались, документы позволяют достоверно установить, что с середины 1950-х гг. в области развернулось строительство дач и жилых домов для номенклатуры. Эти факты не афишировались и грамотно «маскировались». Например, в письме сообщалось о возобновлении в 1958 г. строительства санаторных дач в г. Томске, но при этом указывалось, что для летнего отдыха ответработников использовались так называемые «помещения летнего типа». Только за 1958 г. на строительство упоминаемых выше «санаторных дач» было выделено по смете 712 тыс. р. [12, д. 3174, л. 60].

Особый статус региональных партийно-советских руководителей распространялся и на их детей, в частности, на возможность получения ими хорошего и более качественного образования. Так, в начале 1962 г. в ЦК

партии поступило анонимное письмо, в котором сообщалось, что дети партийных и советских работников Томской области обучаются в спецшколе с углубленным изучением некоторых предметов. В разъяснительной записке Томского обкома партии, адресованной в Отдел партийных органов ЦК КПСС, данная информация опровергалась. Правда, в той же записке признавалось, что 19 детей партийных и советских ответработников области (34% от всех учащихся) учились в средней школе №6 г. Томска, которая в 1954 г. была преобразована в среднюю школу с углубленным изучением немецкого языка — ряд предметов в школе преподавался на немецком языке [12, д. 3174, л. 62]. Однако школ, где преподавание отдельных предметов велось на иностранном языке, в стране насчитывалось единицы, что только подтверждает факт существования спецшколы.

Высшее руководство страны, стремясь в большей степени усилить свой контроль над региональными элитами, и параллельно с этим сгладить общественное недовольство растущим социальным расслоением в обществе, в конце 1950-х — начале 1960-х гг. активно использовало имевшиеся в своем арсенале контрольные механизмы и специальные контрольные структуры — КПК при ЦК партии и МГК (с 1957 г. — КСК при СМ СССР и РСФСР), посредством которых проводились в том числе и кампании против отдельных региональных руководителей. При этом инициированные сверху кампании преследовали, сразу несколько целей. Во-первых, формировалось общественное мнение о борьбе власти с нерадивыми управленцами (присвоивших себе «незаконные» привилегии, превышавших служебное положение и пр.), что одновременно должно было снизить остроту социального накала в обществе и продемонстрировать справедливость советского руководства, а также списать его просчеты в социально-экономической сфере на отдельных руководителей. Во-вторых, они использовались в качестве инструмента экскорпорации («самоочистения» системы) неугодных и провинившихся функционеров (допустивших те или иные ошибки в своей деятельности). В-третьих, следует выделить морально-психологический аспект, поскольку это была своего рода попытка мобилизовать региональные элиты, которым давался некий предупредительный «сигнал».

В качестве примера, может служить «дело» первого секретаря Тюменской области В.В. Косова, заведенное на него после проверки КПК при ЦК партии, инициированной в связи с заявлением некоего В.П. Борцова о «неправильном поведении» В.В. Косова. В записке ответственного контролера КПК при ЦК КПСС С.А. Вологжанина «О фактах приписок и очковтирательства в Тюменской области» от 24 апреля 1961 г. отмечалось, что проверкой подтверждены изложенные в письме факты плохого руководства партийной организацией В.В. Косовым, а также сведения о злоупотреблении им своим служебным положением. В частности, за счет средств обкома партии в размере 32 тыс. р., по его указанию был

переоборудован служебный вагон, который стал более комфортабельным. Так, в салоне вагона появились мягкий диван, кресла, стол и пр.. Однако не это стало основной причиной последующего снятия В.В. Косова с должности, а то, что в ходе проверки вскрылись многочисленные факты приписок и обмана государства, допущенных руководителями партийных, советских и хозяйственных органов области при продаже государству сельскохозяйственной продукции, а также в отчетности о работе промышленных предприятий [10, л. 68–70].

Помимо прочего санкциями ЦК и СМ СССР инициировалось проведение масштабных проверок партийных, государственных и хозяйственных органов. Проверки и ревизии советских и хозяйственных органов МГК–КСК СССР проводились как по плану или указаниям, поступавшим сверху от правительства или ЦК, так и по жалобам населения и анонимным письмам. Как правило, санкциями ЦК и Совета министров СССР инициировалось проведение масштабных проверок государственных и хозяйственных органов. В частности, по поручению Секретариата ЦК КПСС от 26 июня 1962 г. КСК СССР провела проверку ряда министерств, ведомств, учреждений и организаций по факту правильности расходования средств, предназначенных на выплату персональных окладов и улучшение бытового обслуживания руководящих работников. Проверкой были выявлены значительные нарушения в расходовании средств, выразившиеся в неправильном начислении персональных окладов (часто завышенных) и распределении фонда бытового обслуживания между работниками [5, л. 1–8].

Вместе с тем, проверки на местах по линии специальных контрольных структур, практически не влияли на реальную ситуацию. Об этом свидетельствуют данные статистики, согласно которым количество взысканий, наложенных МГК–КСК на руководителей, совершивших те или иные проступки постоянно росло: с 2220 в 1953 г. до 8641 к 1960 г. [8, д. 154, л. 3]. При этом, большая часть номенклатурных работников, совершивших проступки, привлекалась к дисциплинарной ответственности (выговор, строгий выговор, постановка на вид, в крайнем случае — снятие с должности), а также уголовной ответственности. В случае серьезных финансовых нарушений (растрат, хищений, подлога и т. д.) налагались денежные начеты для компенсации причиненного государству ущерба.

Проанализированный выше эмпирический материал позволяет сделать следующие выводы. В исследуемый период происходит повышение социального статуса региональной элиты, поскольку ей удалось закрепить свое особое положение и привилегированный статус. Проводимый советским руководством курс, направленный на реформирование номенклатурных льгот и привилегий на практике оказался не эффективным, поскольку инициированные властью реформы вкупе с предпринимаемыми ею контрольно-репрессивными мерами, фактиче-

ски не оказывали влияние на усиливавшийся процесс внутренней социальной дифференциации и корпоративной консолидации региональной номенклатуры. Более того, существовавшая система материально-бытового обеспечения номенклатуры вела к падению заинтересованности «непривилегированной» ее части в повышении производительности труда, а также дальнейшему росту ее недовольства.

Список использованной литературы и источников

1. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. — М. : Сов. Россия; МП «Октябрь», 1991. — 624 с.; Левин М. Номенклатура — Arcanum imperii: Технологии управления против социологии управленцев / М. Левин // Свободная мысль. — 1997. — Апрель. — С. 75–80; Matthews M. Aspects of Poverty in the Soviet Union / M. Matthews // Quality of Life in the Soviet Union / Ed. by Horst Herlemann. — Boulder, Colorado : Westview Press, 1987. — P. 43–63.
2. Головинова Ю. В., Должиков В. А. Заработная плата в системе материального обеспечения жизнедеятельности партийной элиты Алтайского края в 1937–1955 гг. / Ю. В. Головинова, В. А. Должиков // Известия Алтайского государственного университета. — 2014. — № 4–1 (84). — С. 64–68; Калинина О. Н. Партийные и советские руководители Западной Сибири в 1946–1964 гг.: опыт исторического анализа / О. Н. Калинина. — Новосибирск : Параллель, 2013. — 435 с.; Коновалов А. Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «коттепели» / А. Б. Коновалов. — Кемерово : СКИФ, 2005. — 312 с.; Шалак А. В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.) / А. В. Шалак. — Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. — 354 с.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). — Ф. Р-1020. — Оп. 2. — Д. 1186.
4. ГАО. — Ф. П-4. — Оп. 34. — Д. 489.
5. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. Р-9477. — Оп. 1. — Д. 1178.
6. Коновалов А. Б. Модернизация системы номенклатурных льгот и привилегий: опыт хрущевских реформ (1953–1964 годы) / А. Б. Коновалов // Исторический ежегодник 2007: сб. ст. — Новосибирск : РИПЭЛ, 2007. — С. 6–20.
7. Осокина Е. А. За фасадом сталинского «изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941 / Е. А. Осокина. — М. : РОССПЭН, 1998. — 267 с.; Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. — М. : Вариант, 2008. — 376 с.
8. Подсчитано по: ГА РФ. — Ф. Р-8300. — Оп. 2 а. — Д. 40; Ф. Р-9477. — Оп. 1. — Д. 648.
9. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). — Ф. 5. — Оп. 30. — Д. 140.
10. РГАНИ. — Ф. 13. — Оп. 1. — Д. 842.
11. Титов К. В. «Contrat social» по-хрущевски (Доклад «О культуре личности и его последствиях» как договор верховной власти с номенклатурой) / К. В. Титов // Полис. Политические исследования. — 2005. — № 5. — С. 132–141.
12. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИ ТО). — Ф. 607. — Оп. 1.

Информация об авторе

Калинина Ольга Николаевна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: kalinka77@inbox.ru.

Author

Kalinina Olga Nikolaevna — PhD in Historical Sciences, Researcher, Institute of History of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 8 Nikolaev Str., 630090, Novosibirsk, e-mail: kalinka77@inbox.ru.

УДК 94(571.5)

С.В. КОВРИГИНА

ББК 63.3(2Р5)

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА
СЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА ПРИАНГАРЬЯ
В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД**

Анализируется поселенческая структура в деревнях Приангарья, рассматриваются причины и виды трансформаций в организации жизненного пространства сельских поселений в послевоенный период.

Ключевые слова: крестьянство, Приангарье, послевоенный период, колхозы.

C. KOVRIGINA**ORGANIZATION OF LIVING SPACE PRIANGARE
RURAL COMMUNITIES IN THE POSTWAR PERIOD**

In this article analyzes the settlement's structure in the villages of Angara Region, discusses the causes and the types of transformations in the organization of the living space of rural settlements in the postwar period.

Keywords: peasantry, Angara region, post-war period, kolkhoz.

Заселение и освоение территории Приангарья осуществлялось на протяжении XVII–XX вв. Природно-географические и этнополитические условия наложили отпечаток на размещение и хозяйственную деятельность населения.

Процессы расселения людей, складывание этнических общностей, культурно-хозяйственных типов, видов экономической деятельности и социальной организации, мироощущения и мирозозерцания, находились в прямой зависимости от природно-географических условий. Крестьяне постоянно ощущали тесную живую связь с природой. Вот как описывает пространство Средней Ангары И.М. Московских: «Народ был темный, неграмотный, но деревни ставили в таких выгодных местах, что они сами облагораживались климатом. Около горы ставили. Потому что тучи притягивались на камни, поэтому и дожди лили. А раз полило — то и родится.